

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINAL PROCEDURE

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-61-66
УДК 343.1

Дата: поступления статьи / Submitted: 12.09.2020
после рецензирования / Revised: 21.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

А. А. Тарасов

Институт права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: aatar@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Аннотация: Новизна состоит в авторской оценке влияния международных стандартов прав человека и справедливой процедуры судебного разбирательства не только на само уголовное правосудие, но и на всю систему взаимоотношений государства и личности, а также в критическом анализе встречающихся в литературе оговорок о возможных ограничениях для применения практики Европейского суда по правам человека на территории России. Целью работы является обоснование безусловно позитивного влияния международных стандартов прав человека и правосудия на российскую систему уголовной юстиции и взаимоотношения между государством, личностью и обществом. Задачей ставится демонстрация на примерах из литературы и практики Европейского суда по правам человека безусловно позитивного влияния применения на территории России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского суда по правам человека на российское уголовное правосудие и на всю практическую юриспруденцию в России. В статье использованы методы системного анализа и синтеза, сравнительно-правовой и исторический методы. В результате обоснованы авторские выводы о недопустимости и нецелесообразности какого бы то ни было ограничения действия на территории России международных стандартов прав человека и справедливой судебной процедуры. В заключение сформулированы эти краткие выводы.

Ключевые слова: уголовный процесс, справедливое судебное разбирательство, правосудие, международные стандарты прав человека, доказательство, доказывание, состязательность, право на защиту.

Цитирование. Тарасов А. А. Международные стандарты прав человека и российское уголовное правосудие // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 61–66. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-61-66>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

А. А. Tarasov

Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation
E-mail: aatar@mail.ru

INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS STANDARDS AND RUSSIAN CRIMINAL JUSTICE

Abstract: The novelty lies in the author's assessment of the impact of international human rights standards and a fair trial procedure not only on the criminal justice itself, but also on the entire system of relations between the state and the individual, as well as in a critical analysis of clauses found in the literature on possible restrictions on the application of the European Court's practice on human rights in Russia. The aim of the work is to substantiate the unconditionally positive influence of international human rights and justice standards on the Russian criminal justice system and the relationship between the state, the individual and society. The objective is to demonstrate, using examples from the literature and practice of the European Court of Human Rights, the undoubtedly positive impact of the application in Russia of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and decisions of the European Court of Human Rights on Russian criminal justice and on all practical jurisprudence in Russia. The article uses the methods of system analysis and synthesis, comparative legal and historical methods. As a result, the author's conclusions about the inadmissibility and inappropriateness of limiting the operation on the territory of Russia of international human rights standards and fair trial procedures expressed in the European Convention and court decisions of the European Court have been substantiated. In conclusion, these brief conclusions are formulated.

Key words: criminal procedure, fair trial, justice, international human rights standards, evidence, proof, adversarial nature, right to defense.

Citation. Tarasov A. A. *Mezhdunarodnye standarty prav cheloveka i rossiiskoe ugovnoe pravosudie* [International human rights standards and Russian criminal justice]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 61–66. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-61-66> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Александр Алексеевич Тарасов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Институт права Башкирского государственного университета, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

© Alexander A. Tarasov – Doctor of Law, professor, head of the Department of the Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University, 131, Dostoevskogo Street, Ufa, 450005, Russian Federation.

Тема докторской диссертации: «Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации». Автор более 200 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Уголовно-процессуальное право Российской Федерации» (2014), «Эксперт и специалист в уголовном процессе» (2017). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный)» (2013), «Уголовное судопроизводство: теория и практика» (2014), «Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики» (2015), «Криптографические методы защиты информации» (2015), «Суд присяжных и проблемы народного участия в правосудии» (2015), «Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности» (2016), «Риторика для юристов» (2017).

Область научных интересов: уголовный процесс, криминалистика, социальная психология.

2020 год – это год двух важных международных юбилеев – 75-летия со дня создания Организации Объединенных Наций и 70 лет со дня подписания Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее также Европейская конвенция или Конвенция). У этих событий нет совпадений ни по месту, ни по кругу инициаторов, ни по масштабу политических и правовых последствий. ООН была создана 24 октября 1945 г. в Калифорнии (США), Европейская конвенция подписана 4 ноября 1950 г. в Риме. Деятельность ООН изначально ориентировалась на весь мир и поддержание коллективной безопасности на всех континентах, Европейская конвенция предполагала присоединение к ней только государств Европы. Однако нечто общее у названных событий все же имеется. На международном уровне было признано единство общих векторов цивилизационного развития человечества. Разные страны оказались едины в понимании ценности человеческой жизни, в осознании недопустимости дискриминации человека по признакам расы, национальности, рода занятий, в определении главных задач существования любых государств и правовых систем – обеспечение гражданского мира, защиты тех, чьи права и свободы необоснованно ущемлены, помощи тем, кто не может защитить себя сам.

После присоединения в 1998 году Российской Федерации к Европейской конвенции с признанием ею юридической силы не только положений самой Конвенции, но и основанной на ней практики Европейского суда по правам человека начинается ощутимое влияние обоих этих факторов на развитие российского правосудия. В первую очередь речь идет о правосудии по уголовным делам, поскольку именно его специфика отражена в специальных положениях Конвенции (статьи 5, 6 и др.). Полагаем, что влияние международных стандартов на российское уголовное правосудие не ограничивается только собственно производством по уголовным делам. Система уголовной юстиции – это многоплановая и весьма обширная система взаимоотношений государства, общества и

Subject of Doctoral thesis: «Legal and socio-psychological problems of combining sole and collegial principles in the criminal process of the Russian Federation». Author of more than 200 scientific works, including textbooks and monographs: «Criminal procedure law of the Russian Federation» (2014), «An expert and specialist in the criminal process in Russia» (2017). A number of scientific papers written in collaboration: «Comment at the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article)» (2013), «Criminal proceedings: theory and practice» (2014), «Criminal procedure law. Actual problems of theory and practice» (2015), «Cryptographic methods of information security» (2015), «The jury and the problem of popular participation in justice» (2015), «Problems of modern domestic criminal procedure, judicial and prosecutorial activities» (2016), «Rhetoric for lawyers» (2017).

Research interests: criminal procedure, criminalistics, social psychology.

личности. И международные стандарты прав человека и справедливой процедуры судебного разбирательства влияют на всю эту систему взаимоотношений в целом, даже если прямо касаются они только уголовного судопроизводства.

Сегодня позитивный характер такого влияния в специальной литературе не оспаривается никем из авторов. Достаточно много внимания уделено развитию общих гуманистических начал правосудия, таких как: презумпция невиновности, состязательность сторон, обеспечение права на защиту лицам, подвергающимся уголовному преследованию, обеспечение доступа к правосудию и т. д. Не меньший интерес представляют для исследователей проблемы реализации международных стандартов прав человека и справедливой процедуры судебного разбирательства в конкретных процессуальных институтах и нормах, но главное – в практике их реализации.

Значительная часть специалистов по проблемам уголовного судопроизводства отмечает позитивное влияние международных стандартов прав человека и справедливой процедуры судебного разбирательства на российское уголовное правосудие безоговорочно, с анализом конкретных процедур, нормативно-правовая регламентация и практика применения которых подверглась существенной прогрессивной корректировке благодаря положениям Европейской конвенции и практике Европейского суда.

Разделяя именно эту позицию безоговорочной поддержки, рассмотрим те авторские суждения о позитивном влиянии практики ЕСПЧ на российское правосудие, которые сопровождаются разного рода оговорками. Примером такого рода оговорок служат, в частности, апелляции к особенностям российской правовой системы, не признающей юридической силы судебного прецедента. Правовые позиции Европейского суда по правам человека (далее также Европейский суд или ЕСПЧ) – это именно судебный прецедент. Более того, по мнению отмечающих это О. В. Химичевой и Д. В. Шарова, «в решениях ЕСПЧ основные

права и свободы уточняются, конкретизируются, а иногда наполняются новым смыслом» [1, с. 306]. Со сказанным трудно спорить, однако сам по себе прецедентный характер решений Европейского суда ни в какое противоречие с особенностями любой национальной модели континентально-европейского, то есть unprecedentedного, правосудия не вступает. Прецедент ЕСПЧ касается не самого предмета разбирательства в российском суде.

В специальном постановлении Пленума Верховного Суда России «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» содержится разъяснение: «...правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом рассмотрения ЕСПЧ». Это положение также используется в литературе в качестве оговорки относительно применимости практики Европейского суда на территории России [2, с. 141]. Спорить с этим тоже бессмысленно, ибо любое судебное решение в принципе может касаться не любых обстоятельств вообще, а только тех, которые имеют хоть какое-то отношение к тому, что стало предметом рассмотрения в данном случае. Однако вопрос о допустимости какой бы то ни было аналогии между разными юридически значимыми обстоятельствами в каждом конкретном случае должен решаться конкретным российским судьей, рассматривающим конкретное уголовное дело. Вопрос о том, какие именно обстоятельства можно считать аналогичными, имеет здесь принципиальное значение.

Очевидно, что прямую аналогию между рассматриваемыми разными судами фактическими обстоятельствами искать бессмысленно по определению: все судебные дела разные и по кругу участников, и по предмету разбирательства. Европейский суд рассматривает и вовсе не уголовные дела, а жалобы на действия государственных органов по уголовным делам, расследование и судебное разбирательство по которым велось в России. Следовательно, речь в данном случае идет вовсе не об аналогии материально-правовой и фактической основы судебных дел, а об аналогичности процедурных ситуаций, ставших предметом рассмотрения в ЕСПЧ и в российском суде соответственно. А процедурные ситуации повторяются из дела в дело с завидным постоянством, о чем свидетельствует и повторяемость предмета обращений в Европейский суд российских граждан.

Так, выявленное Европейским судом молчаливое игнорирование доводов защиты, например, о наличии противоположного мнения экспертов по тому же вопросу, который исследовался и другими экспертами (по делу «Красуля против Российской Федерации» (постановление от 22 февраля 2007 г., обращение № 12365/03), оцененное ЕСПЧ как нарушение справедливой процедуры судебного разбирательства, имеет значение для оценки всех

подобных ситуаций. А уж такие ситуации встречаются в наших судах не так уж и редко. Вовсе не открытием выглядит прецедент ЕСПЧ, согласно которому суд не вправе молча игнорировать одни доказательства и без объяснений принимать на веру противоположные. Обязанность мотивировать все свои доказательственные предпочтения суд несет и по действующему российскому законодательству (п. 2 ст. 307 УПК РФ). Однако в том-то и проблема, что в российских судах отступление от этого правила – явление обычное, к сожалению, поэтому российские граждане и обращаются в ЕСПЧ. Нельзя не согласиться с авторами, отмечающими, что правовые позиции ЕСПЧ в большей степени сориентирована на корректировку российской правоприменительной практики, нежели законодательства [2, с. 142].

Европейский суд проблемами российского, как и любого другого национального, законодательства и вовсе не занимается. Другое дело, что государства-участники могут сами на основе практики Европейского суда увидеть изъяны собственного процессуального законодательства и скорректировать его в соответствии с «европейской системой защиты прав человека» [3, с. 142]. Так за годы деятельности Европейского суда поступали разные государства, и Россия в том числе.

Думается, что истинный масштаб воздействия международных стандартов прав человека на российское правосудие еще только предстоит оценить в полной мере. Это воздействие не ограничивается ни разрешением конкретных уголовных дел, ни даже применением конкретных процессуальных норм и институтов в каком-то множестве судебных дел. Не будет преувеличением сказать, что применение на территории России Европейской конвенции и рассмотрение Европейским судом жалоб российских граждан на наше государство оказали общее облагораживающее воздействие на всю отечественную практическую юриспруденцию. Права Т. В. Трубникова, считающая, что адвокат, работающий по обычному уголовному делу, должен заранее предполагать возможность обращения в Европейский суд для того, чтобы учитывать позиции ЕСПЧ и приведенные им доводы уже на внутрисударственном этапе отстаивания интересов своего доверителя [4, с. 5]. Соглашаясь с полезностью такой рекомендации адвокатам, обратим внимание еще и на то, насколько повышается общий профессиональный уровень отечественной юридической практики, если адвокаты действительно ей следуют. В этом случае аргументы в адвокатских процессуальных заявлениях как минимум теоретически могут встретить адекватную контраргументацию в постановлениях следователей, в судебных решениях, в ответах прокуратуры и т. д. Понятно, что, скорее всего, и далеко не все адвокаты готовы руководствоваться этой рекомендацией. Просто в силу недостатка знаний. То же касается и следователей, и судей. Еще более понятно, что даже очень высокий профессиональный уровень адвокатской работы едва ли способен

сломать давнюю традицию общего обвинительно-го уклона российской уголовной юстиции. Однако международные стандарты правосудия и прав человека, а главное – основанная на них практика Европейского суда по правам человека – это замечательные и всем понятные ориентиры развития любой национальной правовой системы. К ним стóбит и можно стремиться.

Судебные решения ЕСПЧ стали образцами надежной аргументации и мотивирования судебных выводов. Многократные переводы на разные языки теоретически могли бы приводить к искажению смысла отдельных фрагментов. Французский оригинал неизбежно ориентируется на франкоязычные, то есть континентально-европейские правовые системы, английский – на англосаксонскую. Русский перевод тоже требует какой-то адаптации юридической терминологии к российским правовым реалиям. В своих прежних работах мы обращали внимание на тот факт, что даже текст Европейской конвенции не может быть буквально переведен с одного языка на другой без корректировки смысла юридических терминов. Так, например, все, что касается в Европейской конвенции «обвиняемого» и «обвинения», автоматически переносится на российских «подозреваемых» и «подозревание» [5, с. 264–265]. И это при том, что в официальном русском переводе о подозреваемом ничего не сказано, различия между двумя названными процессуальными фигурами в российском законе и российской практике остаются. Принципиально то, что никакие лингвистические трансформации, сопряженные с необходимостью учитывать особенности разных национальных правовых систем, не лишили тексты решений Европейского суда главного их качества – надежной аргументации всех выводов суда и безупречной логики изложения их описательно-мотивировочных частей.

Обязанность добротной аргументировать и мотивировать судебные решения всегда возлагалась, возлагается и будет возлагаться на любого судью. В этом смысл правосудия как такового. И. Я. Фойницкий в конце XIX века выразил эту мысль в универсальной формуле: «Для того, чтобы внутреннее убеждение не переходило в личный произвол, закон, не связывая судью легальными правилами, заботится, однако, о выработке его убеждения при условиях и в порядке, которыми обеспечивается, что всякий рассудительный и здравомыслящий человек при тех же данных пришел бы к одинаковому заключению» [6, с. 189]. Решения ЕСПЧ стали образцом для подражания в этом смысле, независимо от фактических обстоятельств, ставших предметом его рассмотрения. Ни один довод заявителя и других участников разбирательства в этих решениях не остается без реакции суда и без аргументированного ответа. Ни один вывод самого суда не оставлен в этих решениях без объяснения, почему этот вывод такой, а не другой. Не менее важно, как полагаем, что ознакомление с текстами решений Европейского

суда не требует специальной юридической подготовки, они доступны для восприятия неюристами без специального перевода этих текстов с юридического языка на общечеловеческий. Собственный адвокатский опыт автора дает основания утверждать, что этими качествами обладают далеко не все решения российских судов, хотя они и написаны на русском языке.

Благодаря деятельности ЕСПЧ первые в российской истории осязаемые черты приобрел один из общепризнанных признаков правового государства – его ответственность перед обществом и его гражданами. Не только эпоха абсолютизма, но и советский период российской истории ни разу реально не ставили под сомнение прямо противоположный принцип взаимоотношений российских граждан с российской властью: государство всегда право, и имеющиеся «отдельные недостатки», если их вдруг удалось выявить, – это либо происки врагов и вредителей, либо личная недобросовестность конкретных должностных лиц.

Жалобы в Европейский суд по правам человека гражданин или лицо без гражданства подавали от собственного имени, а ответчиком по этой жалобе выступал не какой-то отдельный государственный орган, а Российская Федерация как государство в целом, ответственное за действия всех своих органов и должностных лиц. Такая ситуация кажется сегодня абсолютно естественной. Однако для российских граждан это было крайне непривычно. Государственные органы были самым объективным ходом событий лишены возможности «кивать друг на друга», что было довольно характерно для всех или почти всех внутригосударственных механизмов защиты прав человека в России. В советские годы жалоба гражданина в территориальные органы управления КПСС могла повлечь универсальный эффект – на указания со стороны «руководящей и направляющей силы» (статья 6 Конституции СССР) и при этом единственной в стране политической партии не могла не отреагировать ни одна государственная структура. После распада Советского Союза и официального запрета КПСС в 1991 году ситуация в корне изменилась: как ни парадоксально это звучит, но в постсоветских государствах универсального механизма защиты гражданских прав и свобод просто не существовало. Суд этим органом на момент окончания советского периода российской истории еще не стал.

Думается, что именно поэтому начало рассмотрения жалоб российских граждан Европейским судом (с мая 1998 года) ознаменовало в принципе начало новой эпохи во взаимоотношениях Российского государства со своими гражданами.

«Отчеты» представителей Российской Федерации в ЕСПЧ, особенно в первое время, показали, что традиционный для официальных властей разговор правоохранительной системы, основанный на привычных для российских граждан стереотипах, уже не может позволить уйти от ответственности перед международным сообществом.

Вместо иллюстрации процитируем постановление Европейского суда по делу «Надросов против России» от 31 июля 2008 года (жалоба № 9277/02), по которому официальный представитель России привычно утверждал, что власти не знают, откуда взялись телесные повреждения у заявителя, находившегося под стражей на момент их происхождения. «Если рассматриваемые события в целом или в большей степени относятся к сфере исключительной компетенции властей, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей под стражей, возникают обоснованные презумпции фактов в отношении травм, полученных во время содержания под стражей». Иными словами, государство, то есть в данном случае – Российская Федерация, отвечает за все, что происходит в местах содержания лиц, лишенных свободы по тем или иным основаниям, поскольку места лишения свободы – это как раз сфера исключительной компетенции государства.

Еще одна примечательная цитата из того же постановления: «Суд отмечает довод властей Российской Федерации о том, что заявитель сам указал падение в качестве причины своих травм. Однако Европейский суд имеет сомнения в возможности доверять утверждению заявителя в данном случае. Неудивительно, что заявитель не раскрыл настоящую причину своих повреждений врачам скорой помощи в присутствии предполагаемых обидчиков. Европейский суд не может исключить возможности, что заявитель испытывал страх перед людьми, которых обвинил в жестоком обращении с ним». Здесь Европейский суд мотивированно отклоняет весьма привычный довод, используемый всеми без исключения российскими государственными чиновниками при рассмотрении жалоб на любые нарушения прав: если человек не жаловался, значит, он не имел претензий, а если претензий не было, то и нарушения прав тоже не было. ЕСПЧ довод России принял, рассмотрел и отверг с вразумительным объяснением, почему он поступил именно так.

Заявление представителя Российской Федерации о том, что податель жалобы имел возможность добиться восстановления своих прав путем обращения к российским же органам правопорядка, например в прокуратуру, тоже аргументированно отвергались ЕСПЧ по многим делам. Европейский суд предлагал в таких случаях российской стороне представить доказательства того, что если бы податель жалобы использовал, например, обращение к органам прокуратуры в защиту своих прав, то он действительно мог этим добиться улучшения своего положения.

Приведем примечательную формулировку из постановления ЕСПЧ по делу «Полуфакин и Чернышов против Российской Федерации» от 25 сентября 2008 года (жалоба № 30997/02): «Европейский суд принимает к сведению довод властей Российской Федерации о том, что первый заявитель не жаловался в прокуратуру по поводу плохих условий транспортировки по железной

дороге». Но далее: «Однако власти Российской Федерации не доказали, что жалоба в прокуратуру могла обеспечить предупредительный эффект или компенсацию в связи с условиями транспортировки, противоречащими статье 3 Конвенции. Также они не доказали, что жалоба в суд могла бы быстро улучшить ситуацию первого заявителя».

Здесь точно так же официально зафиксирована знакомая любому практикующему адвокату ситуация «глухой стены», когда ни один из внутренних государственных процедурных механизмов не позволяет не только защитить нарушенные права, но и просто быть услышанным. В этой привычной для нас системе ответы на жалобы готовятся теми органами, действия и решения которых обжалуются, а доводы против довода заявителя представляют собою цитату из обжалуемого документа. Европейский суд по правам человека в течение двух десятилетий методично ломал эту систему, даря российским гражданам надежду на возможность иного стиля общения между человеком и властью

Подводя итог сказанному, сформулируем три главных вывода.

1. Международные стандарты прав человека и правосудия, зафиксированные в международно-правовых документах и реализуемые в практике Европейского суда по правам человека, оказывают, бесспорно, позитивное влияние на всю систему российской уголовной юстиции и на всю практическую юридическую деятельность, осуществляемую в этой сфере.

2. Позитивное влияние международных стандартов прав человека и правосудия не ограничивается сферой уголовной юстиции и судопроизводства в целом, а распространяется на всю систему взаимоотношений Российского государства с личностью и обществом.

3. Ограничение действия международных стандартов прав человека и правосудия на территории России, какими бы сугубо российскими причинами это ни объяснялось, означает регресс российской уголовной юстиции, движение России к самоизоляции от мирового сообщества.

Библиографический список

1. Химичева О. В., Шаров Д. В. Проблемы имплементации решений Европейского суда по правам человека в правовую систему РФ // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в.: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. 10–11 ноября 2016 г. (г. Москва). Москва: РГУП, 2017. С. 304–309. URL: <https://avidreaders.ru/book/strategii-razvitiya-ugolovno-processualnogo-prava-v.html>.
2. Великая Е. В. Влияние решений Европейского суда по правам человека на уголовно-процессуальное законодательство по вопросам соблюдения права на защиту // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в.: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. 10–11 ноября 2016 г. (г. Москва). Москва: РГУП, 2017. С. 139–147. URL: <https://avidreaders.ru/book/strategii-razvitiya-ugolovno-processualnogo-prava-v.html>.

3. Горшкова С. А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство: монография. Москва: НИМП, 2001. 352 с.

4. Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 296 с. URL: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2015/09/Трубникова-Т.В.-Право-на-справедливое-судебное-разбирательство.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23927260>.

5. Тарасов А. А., Хайруллин В. И., Шарипова А. Р. Международные стандарты правового статуса обвиняемого и проблема полноты передачи семантики юридических терминов при переводе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, №. 2. С. 260–273. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.205>.

6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. Т. II. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2>.

References

1. Khimicheva O. V., Sharov D. V. *Problemy implementatsii reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka v pravovuiu sistemu RF* [Problems of the implementation of decisions of the European Court of Human Rights in the legal system of the Russian Federation]. In: *Strategii razvitiia ugovolno-protsessual'nogo prava v XXI v.: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 10–11 noiabria 2016 g. (g. Moskva)* [Strategies for the development of criminal procedural law in the XXI century: materials of the V International research and practical conference on November 10–11, 2016 (Moscow)]. Moscow: RGUP, 2017, pp. 304–309. Available at: <https://avidreaders.ru/book/strategii-razvitiya-ugolovno-processualnogo-prava-v.html> [in Russian].

2. Velikaya E. V. *Vliianie reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka na ugovolno-protsessual'noe zakonodatel'stvo po voprosam sobliudeniia prava na zashchitu* [Impact of decisions of the European Court of

Human Rights on criminal procedure legislation on the observance of the right to defense]. In: *Strategii razvitiia ugovolno-protsessual'nogo prava v XXI v.: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 10–11 noiabria 2016 g. (g. Moskva)* [Strategies for the development of criminal procedural law in the XXI century: materials of the V International research and practical conference on November 10–11, 2016 (Moscow)]. Moscow: RGUP, 2017, pp. 139–147. Available at: <https://avidreaders.ru/book/strategii-razvitiya-ugolovno-processualnogo-prava-v.html> [in Russian].

3. Gorshkova S. A. *Standarty Soveta Evropy po pravam cheloveka i rossiiskoe zakonodatel'stvo: monografiia* [Council of Europe Human Rights Standards and Russian Legislation: monograph]. Moscow: NIMP, 2001, 352 p. [in Russian].

4. Trubnikova T. V. *Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: pravovye pozitsii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka i ikh realizatsiia v ugovolnom protsesse Rossiiskoi Federatsii: ucheb. posobie* [Right to a fair trial: the legal positions of the European Court of Human Rights and their implementation in the criminal process of the Russian Federation: textbook]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011, 296 p. Available at: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2015/09/Трубникова-Т.В.-Право-на-справедливое-судебное-разбирательство.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23927260> [in Russian].

5. Tarasov A. A., Khairouline V. I., Sharipova A. R. *Mezhdunarodnye standarty pravovogo statusa obviniaemogo i problema polnoty peredachi semantiki iuridicheskikh terminov pri perevode* [International standards of the defendant's legal status and the problem of legal terminology translation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Vestnik of Saint Petersburg University. Law], 2019, vol. 10, no. 2, pp. 260–273. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.205> [in Russian].

6. Foinitsky I. Ya. *Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva* [Course of criminal proceedings]. Saint Petersburg: Al'fa, 1996, vol. II. Available at: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2> [in Russian].